

Счастлив, кто падает вниз головой,
Мир для него хоть на миг, а иной.

В. Ходасевич

Только я пристроился сзади к этой кошечке, только прихватил ее за нежный пушистый загривочек, только почувствовал, как ее потрясающий рыжий хвостик напряжился и стрункой вытянулся вверх и чуть вбок в ответном желании, открывая мне, как сказал бы мой Человек Шура Плоткин, «врата блаженства»... А Шура знает, что говорит, он — литератор. И когда к нам приходят разные его бабешки, он сначала читает им свои сочинения, а потом начинает их раздевать, бормоча разные вот такие слова, вроде «врата блаженства», «жаркий оазис любви», «испепеляющее желание» и так далее. Причем ни в одном его сочинении, которые он этим дурочкам читает, я никогда не слышу этих слов. Шура, как я, — абсолютно беспородный, но ума у него хватает, чтобы в своих статьях и рассказах такие роскошные выражения не употреблять. Тем более я же слышу, с какими интонациями он эти пышные слова произносит! Будто бы внутренне хихикает... Он иногда пытается и со мной так разговаривать, не такими словами, а такими интонациями. И, не скрою, я этого очень не люблю. В таких случаях я просто отворачиваюсь от Шуры и сажусь к нему спиной. И тогда Шура начинает извиняться передо мной и подлизываться. Должен отметить — совершенно искренне. И я его прощаю.

Ну так, значит, только я собрался трахнуть эту кошечку, эту прелестную рыжую киску, или, как выражается иногда мой Шура, влезая на свою очередную гостью, — «вонзиться в ее пылающий рай», как вдруг совершенно неожиданно что-то большое, жесткое, сетчатое, очень больно стукнув меня по кончику хвоста, накрыло нас обоих, и, прежде чем я успел сообразить, что же произошло, я услышал мерзейший голос этой сволочи Пилипенко:

— Пиздец коту!!! Васька, затягивай сачок поскорей, а то этот прохиндей опять вырвется!.. Он уже от нас раз пять смыливался! Это котяра того самого жида, который в газеты пишет.

Ну надо же, гад, подонок, в какой момент подловил!.. Прав был Шура, когда говорил мне: «Ах, Мартын, не доведут нас с тобой яйца до добра...»

— Затягивай сачок, кому говорю! — орет Пилипенко, и подлец Васька затягивает сачок туго-натуго. И мы с моей рыжей лапочкой оказываемся тесно спеленутые сетью. Естественно, тут уже не до «врат блаженства» и «жаркого оазиса». — Все, бля, — говорит Пилипенко. — Теперь он мой!

— Кто? — спрашивает Васька.

Васька с первого раза ни во что не врубается. Редкостный болван! Откуда эту дубину стоеросовую Пилипенко себе в помощники выискал? Ваську напарить — проще простого. Он — не Пилипенко. Тот хоть и гад, хоть и сволочь и живодер, но далеко не дурак.

— Кто твой-то? — переспрашивает Васька.

— А они обеи! И еврей, и его котяра. Они у меня теперь вона где. — И Пилипенко хлопает себя по карману. — Захочет свою животную взад получить? Наше вам пожалуйста. Пришлите полсотни баксов — и кот ваш. Я его все едино еще раз отловлю. Не хотите платить — я вашего котика в лучшем виде в НИИ физиологии представлю. Нехай этот ваш ёбарь-террорист науке послужит. Его там распотрошат на составные части, и он еще своим трупом миру пользу принесет. Конечно, капусты будет меньше, гроши одни — счас на науку ни хрена не дают, но, как говорится, с худой овцы...

— Был бы он породистый, можно было бы яво на шапку пустить, — говорит Васька. — Гля, какой здоровущий!..

— А хули толку, что здоровущий? — отвечает ему Пилипенко. — У его вся шкура спорчена, морда исполосована, уши рваные. Весь, куда ни глянь, везде в шрамах. Его даже овчарки боятся! Будешь пересаживать из сетки в воронок, рукавицы надень. И поглядывай. С им только зазевайся — враз в глотку вцепится!

И, несмотря на унижительность моего сиюсекундного положения, несмотря на, честно говоря, заползающий в душу холодок обреченности, чему немало способствовали истошные вопли этой рыжей идиотки, прижатой ко мне безжалостными пилипенковскими узами, я не без гордости вспомнил, как два месяца тому назад, когда Пилипенко накрыл меня своим гнусным сачком почти

в аналогичной ситуации, я прокусил ему ухо и разодрал левую руку чуть ли не до кости. Чем, не скрою, и спасся...

Он был просто вынужден отшвырнуть меня и броситься к своей машине, к этому своему отвратительному воронку, за аптечкой. При этом он изрыгал из себя такой чудовищный мат, которого я не слышал даже от своего Шуры Плоткина, когда тот схватил триппер на одной, как он говорил, «очччень порядочной замужней женщине»...

— Так что ты с ним поосторожней, — говорит Пилипенко про меня.

— Ладно!.. Учи ученого, — отмахивается Васька. — А с этой рыжей чё делать? Хозяев не знаем, для лаборатории вроде мелковата. Они просили крупняк подбирать...

— Ничё!.. Пока пихай ее в общую клетку. Приедем на место и выпустим на хер. Нехай блядюшка теперь там погуляет. Я на ее, как на живца, уже шешнадцатого кота беру!..

Вот это да!!! О господи!.. Боже ж ты мой, скольких же невинных, влекомых лишь нормальным здоровым половым инстинктом, эта рыжая стерва, эта предательница, эта гнусная тварь привела к мучениям на лабораторных столах Института физиологии?! Из скольких же бедолаг Пилипенко и Васька сотворили свои уродливые шапки для Калининского рынка?.. Кошмар!..

Первым моим желанием было немедленно перекусить ей глотку. Но мы были спеленуты одной сетью, и я не мог пошевелиться. И от полной невозможности мгновенно произвести справедливый акт отмщения и заслуженного наказания я вдруг впал в такую апатию, такое безразличие к своей дальнейшей судьбе, что от охватившего меня бессилия захотелось просто тихо заплакать...

Поэтому, когда Васька принес нас к воронку — старому, раздолбанному «москвичу» с фургончиком, — открыл заднюю дверцу и выгрузил нас из сачка в стоящую внутри фургона клетку — я даже не рыпнулся, а эта рыжая провокаторша, эта тварь, продолжала орать как умалишенная.

— Гля, какой смирный!.. — удивился Васька и опустил вниз заслонку клетки. — А ты говорил...

— Смирный — еще не покоренный, — ответил ему Пилипенко и сел за руль. — Этот еврейский котятра себе так на уме, что не знаешь, чего от него ждать. Жаль только, что у его жида вошь в кар-

мане да блоха на аркане, а то б я с него за этого кота и сто баксов слупил бы. Садись, Васька, не мудохайся! А то кто-нибудь из хозяев этих шмакодявок объявится, и нам опять морду набьют...

Васька заторопился, захлопнул дверь фургона, и во внезапно наступившей темноте я отчетливо увидел, что впопыхах он забыл защелкнуть металлическую задвижку на опущенной заслонке кошачьей клетки. Так что при желании и некотором усилии заслонку можно было бы приподнять лапой... Апатии у меня как не бывало!

Пилипенко завел мотор, и мы поехали.

Я огляделся. В нашем кошачьем отделении (в фургончике была еще одна клетка — для собак) сидели и понуро лежали штук пятнадцать малознакомых мне Котов и Кошек. Но судя по тому, как многие, увидев меня, подобрали под себя хвосты и прижали уши, меня тут знали.

И только один Кот не прижал уши к голове. Тощий, обшарпанный, с клочковатой свалывшейся шерстью, со слезящимися глазами и обрубленным хвостом — типичный представитель безымянно-бездомного подвально-помоечного сословия — без малейшего страха подошел ко мне и сел рядом, глядя на меня с преданностью и надеждой.

Когда-то на пустыре за нашим домом я отбил этого несчастного бродягу от двух крупных домашних Котов, изрядно попортив им шкуры и наглые сытые морды.

На следующий день после этого побоища Шура выпустил меня прошвырнуться на свежем воздухе и совершить свои естественные отправления. Дома я этого не делал никогда, даже в самые лютые морозные зимние дни. Таким образом, мой Человек Шура Плоткин был начисто избавлен от необходимости заготавливать для меня песок и нюхать едкую вонь кошачьей мочи и кала.

Наш дом стоит в новом районе, в глубине квартала, и я с детства выторговал себе право в любое время уходить из квартиры и возвращаться в нее только тогда, когда мне этого захочется.

Короче, когда я на следующий день выполз из нашей парадной и с наслаждением потянулся — до хруста, до стопа — и новое прохладное утро стало вливаться во все мое тело, от влажного носа, устремленного в синее весеннее небо, до кончика хвоста, туго вытянутого к горизонту, я вдруг увидел вчерашнего Кота-Бродя-

гу, сидящего неподалеку от моего дома. Между его тощих и грязных лап лежала здоровенная мертвая крыса.

Бродяга приветливо дернул обрубок хвоста и переместился сантиметров на двадцать левее задушенной им крысы, предлагая ее мне в подарок.

Я подошел. Как положено, мы обнюхались, а потом я ему битый час втолковывал, что, вообще-то, я крыс не ем, что жратвы у меня и дома навалом, но подарок его я ценю и очень ему благодарен.

В подтверждение искренности своих чувств я на его глазах отнес крысу за дом, выкопал там ямку и зарыл ее туда, делая вид, что как-нибудь обязательно вернусь за ней, и вот уж тогда-то мы и устроим пир горой!.. А пока, если он хочет шмат нормальной сырой рыбы под названием «хек мороженный», я могу смотаться домой и принести ему. Тем более что она уже оттаяла.

Но то ли этот несчастный Кот не знал, что такое рыба, то ли никак не мог взять в толк, как это возможно «не есть крыс?!», но он деликатно (что, кстати, гораздо чаще встречается у простых дворовых особей, чем у породистых и домашних) отказался от моего предложения, куда-то сбегал и привел мне совершенно незнакомую, очень милостивую грязно-белую кошечку, которую я тут же и трахнул за его здоровье.

Вот этот-то Кот и сидел сейчас рядом со мной. Сидел и смотрел на меня. Только один-единственный раз он покосился на незащелкнутую задвижку от заслонки, давая мне возможность понять, что и он тоже заметил Васькину оплошность. Я клянусь, что мы с ним не произнесли ни звука!

Но в громких рыданиях рыжей потаскушки, в истерике этой рыжей бляди, в жалобном мяуканье пацана Котенка, в нервной, хриплой зевоте старухи Кошки, в неумолчном лае идиота Фоксика из соседней собачьей клетки, в трагическом вое до смерти перепуганного Шпица, в робком гавканье моего знакомого по пустырю — огромного и глупого, но очень доброго Пса, в котором было намешано с десятков пород и кровей, я УСЛЫШАЛ немой вопрос Кота-Бродяги:

— Что делать будем?

— А черт его знает! — говорю я, даже НЕ ОТКРЫВАЯ рта. — Ну, предположим, мы поднимем заслонку, а потом? Фургон-то снаружи закрыт...

— Слушай, Мартын, — говорит Бродяга. — Безвыходных положений не бывает. Это тебе говорю я, у которого никогда не было Своего Человека. Конечно, ты за Шурой Плоткиным — как за каменной стеной...

Я действительно много раз рассказывал Бродяге о Шуре и однажды даже познакомил их.

— Да при чем тут Шура?! — разозлился я.

— Притом что ты, даже не сознавая этого, надеешься, что тебя выручит твой Шура. А мне надеяться не на кого. Только на себя. Ну и на тебя, конечно. А ты даже пошевелить мозгами не хочешь...

Слышать это было дико обидно!.. Тем более что на Шуру я и не рассчитывал. Во-первых, потому, что не он меня, а в основном я его всю жизнь выручал из разных неблагоприятных ситуаций, а во-вторых, Шуры просто физически не было в Санкт-Петербурге. Он еще позавчера уехал в Москву, повез свою рукопись в издательство. Специально для ухода за мной — кормежка, выпустить меня, впустить, дать попить, включить мне телевизор — Шура оставил в нашей квартире очередную прихехешку, которая начала свою бурную деятельность в нашем доме с того, что сожрала моего замечательного хека и сутки обзванивала всех своих хахалей, как внутрироссийского, так и заграничного разлива. Трепалась она по полчаса с каждым, и я в панике представлял себе, какой кошмарный счет придет нам с Шурой в конце месяца за эти переговоры! Поэтому сегодня, уходя из дому, я перегрыз телефонный шнур и таким образом спас Шуру Плоткина от необходимости пойти по миру, ведя меня на поводке. Шура вернется домой — я ему покажу место, где перегрыз провод, и Шура все сделает. В отличие от других наших знакомых литераторов, руки у Шуры вставлены нужным концом.

В-третьих, даже если бы Шура был в городе, он все равно никогда не смог бы выкупить меня у Пилипенко. У моего Плоткина долларов отродясь не было.

Но Бродяге я ничего этого не сказал. А только спросил:

— Как ты думаешь, куда нас везут?

— Чего мне думать, я точно знаю — на Васильевский остров, в лабораторию Института физиологии. Я уже один раз там был. Еле выдрался. Пришлось со второго этажа прыгать...

Я с уважением посмотрел на Кота-Бродягу.

— Думай, Мартын, думай, — сказал он мне. — У меня лично с голодухи башка не варит...

...И я придумал!!! Единственное, о чем я попросил Бродягу, — это максимально точно предупредить меня, когда до остановки у дверей лаборатории Института физиологии останется ровно три минуты.

В нас, Кошачьих, есть ЭТО. Я не знаю, как ЭТО объяснить. Наверное, потому, что сам не понимаю, как возникает в нас ЭТОТ процесс предвидения, ощущение оставшегося времени, полной ориентации в темноте или закрытом помещении, точное чувство расстояния...

Естественно — необходимы одна-две вводных. Ну, например: почему я попросил именно Бродягу предсказать мне подъезд к лаборатории точно за три минуты? Не смог бы сам? Смог бы! Но не настолько точно, как Бродяга. Коты и Кошки, ни разу не ездившие этой дорогой, могли ошибиться — плюс-минус минута. Мне же была нужна абсолютная точность. А для этого был необходим Бродяга. То есть Кот, который уже один раз ехал этой дорогой...

Пример из собственной практики: мы с Шурой живем в девятиэтажном сорокапятикквартирном доме с одной парадной лестницей и одним лифтом.

Основная интенсивность движения нашего лифта, когда он как сумасшедший мотается между этажами — это период с четырех до семи часов вечера. То есть когда Люди возвращаются с работы. Это три часа непрерывного гудения огромной электрической машины, рокотание толстенных стальных тросов, поднимающих и опускающих лифт, скрип и постоянное повизгивание могучих блочных колес с желобками, через которые и ползут эти тросы... Я как-то шлялся на чердак и видел это чудовищное сооружение.

И ко всем этим звукам — еще три часа безостановочного хлоппанья железных дверей шахты лифта, щелканье деревянных створок кабины, звуки включения и выключения разных реле... И вся эта какофония с совершенно непредсказуемой периодичностью!

И клянусь вам, я все эти три часа могу продряхнуть в СВОЕМ кресле, не прислушиваясь и не настораживаясь. Но в какой-то мне и самому неясный момент что-то меня будит, и я, лежа в кресле с еще закрытыми глазами, точно ощущаю, что к дому подходит МОЙ Шура. С этой секунды я знаю все, что должно произойти дальше! Мне даже кажется, что я это вижу сквозь стены!..

Сейчас, для зрительности, я выстрою и свое, и Шурино поведение в стиле «параллельного монтажа». Это я в свое время так от Шуры нахватался. Он когда-то, как сам говорил, «лудил» парочку сценариев для киностудии научно-популярных фильмов и несколько месяцев подряд выражался исключительно по-кинематографически...

Итак:

Вот Шура подходит к нашей парадной...

В это время я, еще лежа, приоткрываю один глаз...

Вот Шура набирает «секретный» код замка входной двери... А код не набирается. Тогда Шура говорит свое извечное: «Ну елки-палки!.. Неужели снова сломали?!» — и толкает дверь ногой. Дверь распаивается, зияя выломанным кодовым устройством...

Тут я открываю второй глаз...

Шура входит в парадную, морщит свой длинный нос, внюхивается (хотя чем он там может внюхаться?! Люди в этом совершенно беспомощны) и бормочет: «Опять всю лестницу обоссали, засранцы!..» Это он про мальчишек из соседних домов и заблудших пьянчуг...

Тут я приподнимаю задницу, потягиваюсь и вижу... Да, да!.. ВИЖУ, как...

...Шура нажимает кнопку вызова лифта!!!

И пока лифт к нему опускается, я мягко спрыгиваю со СВОЕГО кресла и потягиваюсь еще раз. Времени у меня навалом...

Шура входит в темную кабину лифта со словами: «Ничтожество! Разложенцы!.. Дремучая сволочь! Страна вырожденцев и уродов!.. Опять лампочку выкрутили!!!»

Мне-то все равно было бы — в темноте ехать или при свете, а Шуре, бедному, приходилось...

...искать пульт с этажными кнопками, на ощупь отсчитывать восьмую и так в темноте, чертыхаясь и матерясь, подниматься до нашего этажа...

За это время я медленно... ну очень медленно!.. иду через вторую комнату в коридор, слышу, как останавливается лифт, ВИЖУ...

...как выходит из него Шура и вытаскивает ключи из кармана...

Я слышу, как он отпирает первую железную дверь, слышу, как он вставляет ключ во вторую — деревянную, и...

...я скромненько сажусь у двери и поднимаю нос кверху...

Тут-то и входит Шура! И говорит:

— Мартын! Сонная твоя морда!.. Хотя бы пожрать чего-нибудь приготовил, раздолбай толстожопый!..

А я ему!.. Вот чего не умею — так это мяукать. А я ему в ответ так протяжно, басом:

— А-а-ааа!.. А-а-ааа!..

И он берет меня тут же на руки, чего я никогда никому не позволяю делать. Зарывается своим длинным носом в мою шкуру и шепчет:

— Мартышка... Единственный мой!..

И за шесть лет жизни с Шурой Плоткиным я не ошибся ни разу!

Откуда в нас эта странная, таинственная, почти мистическая способность?! Может быть, потому, что в наших кошачьих носках находится девятнадцать миллионов нервных окончаний, а у Человека всего пять?.. А может быть, потому, что Коты и Кошки слышат на две октавы выше, чем Человек?.. Я лично понятия не имею, что все это такое, но если у нас «девятнадцать», а у них всего «пять», значит мы почти в четыре раза лучше? Правильно? Так ведь? Уже не говоря о том, что в темноте Люди — просто жалкие создания, в то время как для нас темнота — хоть бы хны!

Нужно быть справедливым — все эти сведения я почерпнул от того же Шуры Плоткина, который одно время очень серьезно занимался нашими Личностями и перечитал по этому поводу уйму прекрасных книг. Кстати, он же мне сообщил, что древние египтяне почитали Котов и Кошек как Божественных Созданий, украшали их драгоценностями и ни один Человек не имел права причинить Кошачьему существу ни беспокойства, ни тем более страданий!..

Вот было Время! Вот были Люди!.. Не то что эти постсоветские подонки — Пилипенко и его вонючий Васька!..

— Боюсь, всех нам не выручить, — сказал я Бродяге, когда поделился с ним планом предстоящей операции.

— Спасение утопающего есть дело лап самого утопающего, — безжалостно ответил Бродяга.

И я подумал, что в чем-то Бродяга прав. Действительно, всем помочь практически невозможно. Но!..

За шесть с половиной лет моей достаточно бурной жизни я перетрахал такое количество Кошек, которое обычному рядовому

домашнему Коту и во сне не приснится! Я никогда не шел на поводу у сочиненной Людьми весьма распространенной и унижительной теорийки, будто «брачным» месяцем у Котов и Кошек считается только март. А все остальные одиннадцать месяцев в году они, дескать, даже и не помышляют о совокуплении. Какой-то собачий бред Людей-импотентов, подсказанный им пухлыми и пушистыми Котами-кастратами!

Да я все триста шестьдесят пять дней в году, просыпаясь каждое утро, только и думаю — кого-то я сегодня оприходую?! Что мне сегодня за Киска попадется между лап?.. А не смотаться ли мне в соседний квартал, в парк при спортивном комплексе «Зенит»? Говорят, там недавно появилась одна такая сиамская лапочка, которая никому не дает, да еще и огрызается, как стерва...

И я иду в этот их спортивный парк, нахожу там эту недотрогу и через семь секунд трахаю ее на глазах у всех наших изумленных Котов-пизонов, а потом эта сиамская дурочка бежит за мной все лето как умалишенная.

Так что все эти теории про «брачный период» и про «март месяц» ни хрена не стоят! У меня «март» — с января по декабрь включительно. Мне лично всегда хочется. Я, как говорит Мой Шура, «завсегда об этом думаю». Он, кстати, тоже...

Ну и конечно, время от времени то одна, то другая Кошечка, с уже отвисшим брюхом, вдруг начинает с неуклюжим кокетством валиться на спину и так печально-выразительно поглядывать на меня. Но я беременных принципиально не трогаю. Не дай бог, еще повредишь им там чего-нибудь...

Так что сколько Котят, посеянных мной во чревах невероятного количества Кошек, — я и понятия не имею. Конечно, прав Бродяга, всем помочь невозможно...

И к большинству Кошек, которых я употреблял когда-то, честно говоря, у меня отношения никакого — спасибо и привет! Но когда на нашем пустыре я вдруг вижу какого-нибудь скачущего Котенка-несмышленища, я почти бессознательно тянусь заглянуть ему в мордочку — а вдруг это мой? А вдруг он произошел от меня?! Вот ведь чудо-то какое!

В такие моменты мне всегда хочется накормить его, защитить от Собак, от Котов-идиотов, от больших и злобных Крыс, от всего на свете...

Одного такого бесприютного я даже как-то привел к нам домой. На что Шура Плоткин торжественно сказал:

— Ах, Мартын, дорогой мой друг! Хоть ты и половой бандит и сексуальный маньяк, хоть ты и разбойник и ёбарь без зазрения совести, но сердце у тебя мягкое, интеллигентное, я бы сказал... Существо, ощущающее комплекс вины за содеянное, — уже благородное существо!

И подарил этого замухрышку одной своей московской знакомой. Как-то он там теперь в Москве поживает? Вырос небось за-сранец...

Вот почему я показал Бродяге на забившегося в угол клетки, насмерть перепуганного Котенка и решительно заявил:

— Но этого пацана мы все-таки вытащим! Сколько у нас времени?

— До сигнала или до приезда? — деловито спросил Бродяга.

— До сигнала.

— Около пяти минут.

— Порядок. Подгони пацана поближе к дверце клетки, а я пока дотрахаю эту рыжую падлу! Не пропадать же добру...

Я прыгнул сзади на верещавшую рыжую Кошку, жестко прихватил ее зубами за загривок, примял к полу клетки задними лапами и на глазах полутора десятков обреченных Котов и Кошек и нескольких Собачек я стал драть ее как сидорову козу!

Теперь рыжая только хрипела, прижатая к полу. На долю секунды я вдруг увидел ухмыляющегося Бродягу, потрясенную старуху Кошку, насмерть перепуганного Котенка с отвалившейся от удивления челюстью и...

...в момент пика моих трудов, в пароксизме страсти я еще сильнее сжал зубы у нее на затылке и услышал, как она тихонько взвизгнула подо мной...

Когда я кончил и как ни в чем не бывало слез с нее — она так и не смогла встать на лапы. Со всклокоченной шерстью, с безумными глазами, негромко постанывая, она, словно раздавленная, поползла на брюхе в угол клетки. На мгновение сердце мое кувыркнулось от жалости, но я тут же вспомнил про пятнадцать замученных Котов, погибших из-за нее в лаборатории института, и моя слабость уступила место гадливому презрению. Я должен был быть у нее шестнадцатым...

Неожиданно мы почувствовали, что наш автомобиль стал при-
тормаживать.

Я тут же подскочил к дверце клетки и вопросительно посмотре-
л на Бродягу. Неужели мы уже подъехали к институту, к этому
Кошачьему лобному месту?! Неужто Бродягу так подвела знаме-
нитая Наша интуиция? А может быть, от постоянного многолетне-
го недоедания он утратил ощущение Времени, Предвидения и все
те качества, которые ставят нас в недостижимое интеллектуальное
превосходство над всеми остальными живыми существами?!

Бродяга и сам недоумевал...

Автомобиль еще катился по инерции, когда раздался негром-
кий, исполненный злобы голос Пилипенко:

— Вот ссука!.. Чего этому-то козлу от нас надо?!

— Чего, чего!.. А то ты не знаешь — «чего»? — ответил Васька.

Но тут наш «москвич» окончательно остановился, и кто-то
сипло проговорил:

— Здравия желаю, граждане. Па-апрашу документики!

Я почувствовал новый букет запахов, ворвавшихся в наш тю-
ремный мир: и запах устоявшегося, многодневного водочного пере-
гара; и кислые запахи маленьких, но сильных аккумуляторов для
переносных радиостанций; ни с чем не сравнимый запах оружия,
пропотевшей кожаной амуниции; и слабенький запахок мятной
жевательной резинки, наивно призванной заглушить все осталь-
ные запахи.

Нет, это не институт, слава богу!.. Это милиционер. Или бан-
дит. Что, впрочем, с моей точки зрения, одно и то же — человек
с оружием. У меня отлегло от сердца — значит, время еще есть.

— Здравия желаем, товарищ начальник! Научно-исследо-
вательский институт приветствует нашу доблестную милицию, —
одновременно пропели Васька и Пилипенко такими сладкими,
липкими голосами, как если бы вдруг заговорило растаявшее мо-
роженое.

— Документы попрошу, — повторил милиционер.

— Пожалуйста... — Голос Пилипенко совсем упал. — Какие
проблемы-то?

— Счас посмотрим, — сказал милиционер. — Не будет проб-
лем — создадим. Все в наших руках. Тэ-эк-с... Пилипенко Иван
Афанасьевич?.. Вот и ладушки, Иван Афанасьевич, пришлите
двадцатничек от греха подальше и поезжайте с Богом.

— Какой двадцатничек?.. — растерялся Пилипенко.

— Зелененький, — пояснил милиционер.

— За что-о-о?.. — простонал Пилипенко.

— Дымление двигателя, прогар глушителя, левый «стоп» не работает, коррозия по низу дверей и крыльев, машина грязная, номера ржавые, правое наружное зеркало отсутствует... Еще нужно?

— Нет... — выдохнул Пилипенко. — Может, рублями возьмете?

— Ты чего? Мне при исполнении взятку предлагаешь, что ли?

— А доллары — не взятка?! — Слышно было, что Пилипенко разозлился.

— А доллары — это доллары.

— Товарищ начальник... — заныл Пилипенко. — Мы бедные научные сотрудники, мы сейчас работаем над одной диссертацией...

— Ты, «научный сотрудник»! Ты мне мозги не пудри и лапшу на уши не вешай, — тихо сказал милиционер. — Я вот сейчас открою двери твоего фургона, и вся твоя «диссертация» враз с мяу-каньем и лаем по городу разбежится. А я тебя еще и прав лишу, и техпаспорт отберу, мудила. Черт с тобой, гони червонец и вали отсюда на хуй, диссертант ёбаный...

— Нет вопросов! — бодро ответил Пилипенко, чем-то пошелестел и, наверное, отдал милиционеру десять долларов.

Милиционер удовлетворенно крикнул и интеллигентно сказал:

— Получите ваши документы, и к следующему разу прошу привести ваше транспортное средство в порядок, товарищ водитель.

Тут Пилипенко ничего не ответил, и мы снова поехали.

— Вот где надо сейчас работать, — завистливо вздохнул Васька. — А мы эту срань болотную сачком ловим...

— Погоди, погоди, Васька... — Пилипенко даже зубами скрипнул. — Будет и на нашей улице праздник. Сейчас время революционное! «Кто был ничем, тот станет всем...» Есть у меня одна мыслишка!.. А уж тогда не на этом говне, а на белом «мерседесе» ездить будем!.. Этот же ментяра, который сейчас с нас ни за что ни про что десять долларов слупил, на мотоцикле, бля, с сиреной и мигалками, бля, будет ехать и дорожку нам расчищать!..

Бродяга услышал это и презрительно ухмыльнулся.

А я подумал: все может быть... Сейчас как раз время для таких, как Пилипенко. Наглых, напористых, неглупых, не отягощенных

интеллектом, а поэтому и не стесняющих себя в выборе средств для достижения цели.

Мы много раз болтали об этом с Моим Шурой. Особенно когда он где-то выпьет, придет домой и начнет передо мной извиняться, что, дескать, он мне даже приличной рыбы не может купить, что его доходов только на этот «хек мороженный» и хватает... Ну и всякие такие дурацкие излияния.

А потом — несколько многословный, но уже почти трезвый анализ всего происходящего сегодня в нашей стране. И кто в это прекрасно вписывается, а кто — вроде нас с Шурой Плоткиным — никак не может вписаться, да никогда и не впишется, хоть за бур гор уезжай!..

Один раз, когда от него уж очень сильно пахло алкоголем (чего я, к слову сказать, не перевариваю!), он даже заплакал, когда мы снова заговорили об этом...

Помню, я так разнервничался! Мне его так жалко стало!.. И, несмотря на то что от него буквально разило водкой, я принес ему остатки моего сырого хека и лизнул его в щеку. А он еще сильнее заплакал, лег на пол, прижал меня к себе и заснул.

Он тогда так храпел!.. Как я вынес все это в течение нескольких часов — уму непостижимо!

Я только попытаюсь вылезти из-под его руки, а он приоткроет глаза и в слезы: «Мартынчик... Родимый! Ты-то хоть не бросай меня!..» Ну что? Мог я уйти?..

Под утро я все-таки сумел выползти из-под Шуры. Писать захотел — удержу нет!

Обычно, когда со мной такое происходит дома, а Шура еще спит, я поступаю очень просто: сажусь на Шурину подушку точненько перед его физиономией и начинаю не мигая, неотрывно смотреть на его закрытые глаза. Не проходит и тридцати-сорока секунд, как Шура просыпается и говорит хриплым ото сна голосом:

— Что, обоссался, гипнотизер хренов?

Я молча спрыгиваю на пол и иду к дверям. Шлепая босыми ногами, Шура бредет за мной в чем мать родила и выпускает меня на лестницу. Дальше — дело техники. Я сбегая на первый этаж и начинаю орать дурным голосом:

— А-а-аааа! А-а-аааа!

Обязательно кто-то из жильцов первого этажа выйдет, откроет мне дверь парадной и со словами «А, это ты, Мартинчик? Ну выходи, выходи...» выпустит меня на улицу.

Почему-то соседи называют меня на иностранный манер — Мартин. Наверное, считают, что у такого человека, как Мой Шура Плоткин — литератора и журналиста, Кота с обычным плебейским именем Мартын быть не может...

В нашем доме меня знают все. Особенно после того, как я набил морду огромной овчарке наших нижних соседей. Она теперь ко мне то и дело подлизывается, но я и ухом не веду в ее сторону.

Но в тот раз, когда Шура надрался до положения риз, мой гипноз так и не достиг цели. Не скрою, я запаниковал! Напрудить в квартире — я такого себе даже Котенком в детстве не позволял. Еле-еле выцарапал на себя дверь в Шурин туалет, вспрыгнул на горшок и сделал свои дела. Помню, потом встал на задние лапы и, опираясь одной передней о сливной бачок, второй лапой нажал на рычаг и спустил за собой воду...

— Внимание, Мартын! Осталось ровно три минуты! — услышал я команду моего кореша Бродяги.

Я быстро вонзил когти правой передней лапы в деревянную опускающуюся заслонку на передней стенке клетки, что было сил потянул ее вверх, и, когда между полом клетки и заслонкой образовалась щель, я тут же поддел заслонку второй, левой лапой.

— Помогай, браток! — крикнул я Бродяге.

Тот мгновенно просунул в щель и свою лапу. Вдвоем — в три лапы (одной Бродяга держал Котенка) — мы приподняли тяжеленную заслонку настолько, что могли просунуть туда свои головы.

Теперь заслонка лежала на наших плечах и шеях, всей своей тяжестью придавливая нас к полу клетки.

— Вылезаем одновременно, — приказал я Бродяге. — А то заслонка тяжелая — одному не удержать.

— А с этим недоноском что делать? — спросил Бродяга.

— Выталкивай его первым! Внимание... Раз, два, взяли!..

И мы втроем выскользнули из клетки. Заслонка со стуком опустилась за нашими хвостами. Точнее, за моим хвостом и хвостом Котенка. Бродяга лишился хвоста еще года три тому назад при весьма смутных обстоятельствах — то ли был пойман в мяс-

ном отделе нашего гастронома, когда хотел спереть кусок мяса, то ли еще что-то...

Во всяком случае, сам он об этом не рассказывал, я не спрашивал, а на то, что болтали об этом всякие Коты и Кошки нашего квартала, мне было совершенно наплевать.

Теперь мы — Котенок, Бродяга и я — были вне клетки. Но это составляло лишь пятую часть нашей операции. И ликовать по этому поводу было бы более чем преждевременно.

Между Кошачьей и Собачьей клетками и внутренними стенками фургона было достаточно места даже для взрослого Кота, а уж Котенок мог чувствовать себя там совершенно свободно. Но где гарантия, что этот малолетка стремглав выскочит из фургона, когда Васька или Пилипенко распахнут снаружи дверцы? Где гарантия того, что Котенок от страха не забьется в угол фургона и будет там трястись, пока кто-нибудь из этих сволочей не сгребет его за шкуру и не сунет в мешок?..

— Как только Васька откроет воронок — выталкивай этого дурчак и сам рви когти, — тихо сказал я Бродяге.

— А ты? — встревожился Бродяга.

— За меня не дрейфь. Сейчас я устрою маленький концерт — как отвлекающий маневр, а ты с пацаном будь на старте! Я этих пилипенков в гробу и в белых тапочках видал!..

Это не мое. Это — Шурино. Это он так иногда выражается, когда хочет высказать свое презрение к кому-нибудь или чему-нибудь.

Я обошел сзади Собачью клетку, просунул туда лапу, на всю длину выпустил когти и с размаху хорошенько ткнул по заднице идиота Фоксика. Тот завизжал, забился в истерике и немедленно укусил моего приятеля — огромного беспородного доброго Пса.

Как выяснилось, доброта тоже имеет границы, которые переступать нельзя: Пес-громадина, не разобрав, в чем дело, тут же опрокинул Шпица и схватил его за глотку..

На свое несчастье, Пес вывалил свою хвостяру между прутьями клетки, и (да простит меня мой друг Пес — это нужно было для дела) я мгновенно прокусил его хвост своими клыками!..

Что тут началось!!!

Пес спрыгнул со Шпица и тут же прихватил какого-то Дворнягу!..

Шпиц бросился на Фоксика!..

Дворняга вырвал клоч из бока Шпица!..

Вой, лай, рычание, визг, мяуканье, шипение!.. В нашей Кошачьей клетке Коты и Кошки на нервной почве сплелись в клубок, из которого летели клочья шерсти!.. Трещал штакетник, ходуном ходили клетки!..

— Что там еще такое?! — раздался голос Пилипенко.

— Видать, чуют — куда едут, — рассмеялся Васька. — Ладно, сейчас разберемся...

И в это время Бродяга сказал:

— Приехали!

Наш воронок остановился. На всякий случай, чтобы скандал не затухал и чтобы поддержать панику в необходимом градусе, я просунул лапу в Собачью клетку и рванул когтями по чьей-то собачьей спине. Этот «кто-то» укусил моего приятеля Пса за заднюю ногу. Пес шарахнулся и выломал переднюю стенку клетки как раз в тот момент, когда Васька и Пилипенко распахнули фургон...

Одновременно с этим произошла уйма событий: выломав стенку, огромный Пес выпал на Пилипенко и щелкнул своей мощной челюстью прямо перед его носом!..

...Бродяга вышвырнул Котенка на улицу, а сам, словно привидение, растворился в воздухе!..

...в образовавшийся пролом Собачьей клетки ринулись обезумевшие от страха и злости все Собаки!..

...идиот Фоксик оказался не таким уж идиотом и мертвой хваткой повис на Ваське!..

...белый ухоженный Шпиц очень симпатично тяпнул Пилипенко за ногу...

— Закрывай фургон!!! Фургон закрывай, мать твою в душу, в гроб, всех вас ети!.. — закричал Пилипенко.

Пытаясь стряхнуть с себя Фоксика, Васька захлопнул одну половину дверей фургона и выхватил откуда-то лопату... Тут и Пилипенко очухался, ногой сшиб Фоксика с Васьки и бросился закрывать вторую половинку дверей...

Когда между створками дверей фургона оставалось не больше десяти сантиметров, я с жутким шипением и воплем вылетел оттуда и всеми четырьмя лапами с максимально выпущенными когтями вцепился в голову Пилипенко.

Пилипенко упал навзничь и, пытаясь содрать меня со своей головы, закричал так, что к нам стал сбегаться народ.

— Сейчас, сейчас, Афанасьич... — метался вокруг нас Васька. — Сейчас я его лопатой!..

Я увидел занесенную над собой лопату и подумал, что я и так уже слишком задержался в компании этих мерзавцев. Пора и честь знать.

Васька замахнулся, я прокусил Пилипенко ноздрю и бросился в сторону. За моей спиной раздался глухой удар и такой дикий визг Пилипенко, что наше Кошачье преимущество в две октавы показалось мне просто ничтожным. Пилипенко сумел завизжать на ТРИ октавы выше, чем любая наша Кошка-истеричка!..

Все остальное произошло помимо моего сознания — в сотые доли секунды, выпрыгивая из-под опускавшейся на меня лопаты, я взлетел на гору каких-то ящичков, оттуда молниеносно сиганул еще выше — на крышу мрачной двухэтажной пристройки, а уже на крыше, в условиях относительной безопасности, я вновь обрел способность четко осознавать происходящее и видеть все вокруг.

Без ложной скромности должен признаться, что мне — автору всего этого «хипеша» и «халоймеса», как сказал бы Шура Плоткин, — вид сверху очень и очень понравился! «Картина маслом!» — добавил бы Шура, увидев...

...визжащего и катающегося по земле Пилипенко с разбитой головой и прокушенной ноздрей...

...разбегающуюся во все стороны разномастную Собачню...

...стремглав улетающего Котенка...

...и толпящихся вокруг Пилипенко растерянных Людей.

Вот только Бродяги не было видно нигде. Но за него я не очень волновался. Бродяга — Кот самостоятельный, стопроцентно уличный, а это очень неплохая закваска! Ему рассчитывать действительно не на кого, он сам о себе позаботится...

Пока я тщеславно любовался на творение лап и мозгов своих, я и не заметил, как из слухового чердачного окна — с одной стороны и по горе ящичков — с другой стороны на крышу влезли двое в замызганных серых халатах и стали меня окружать. Причем у одного в руках был точно такой же сачок, как и у Пилипенко!..

Запах от них шел — слов не подобрать! Меня буквально затрясло от ужаса!.. Я не знаю, как я это понял — но это был запах СМЕРТИ. Так пахли Убийцы. Мои Убийцы...

Я быстро огляделся по сторонам — положение практически безвыходное. Внизу — Люди, Васька с лопатой, уже запертые ворота, высокий каменный забор...

Забор... Забор!!! Ах, как он далеко стоит от крыши!.. Ох, не допрыгнуть мне!.. Ох, не допрыгнуть... А может, попробовать?.. Господи! Дай мне силы... И если останусь жив, клянусь тебе...

— Он, кажись, на забор целится, — сказал один Убийца другому. — Перекрой ему там кислород.

— Да куды он денется? — ухмыльнулся второй Убийца. — До забора ему в жисть не допрыгнуть...

А тут еще все Люди, стоявшие внизу вокруг Пилипенко, этот болван Васька, да и сам сволочь Пилипенко стали орать на весь двор: «Хватайте его!.. Заходите сбоку! Не упустите! Прекрасный экземпляр!!!»

И тут я вдруг решил — или я погибну сейчас, или докажу им всем, что я действительно ПРЕКРАСНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР! Я-то знаю себе истинную цену! Кто Вы — и кто Я?! Разве нас можно сравнивать? Вы же себе только кажется, а Я — настоящий... Вы, в массе своей, очень мелковаты и неприглядны. За крайне редким исключением. В то время как Я...

Ну кто из Вас смог бы в одну ночь трахнуть четырех Кошек, да еще и не по одному разу?! Кто из Вас смог бы начистить рыло немецкой овчарке, превосходящей Вас в росте и весе раз в десять?! Кто из Вас может прыгнуть вверх шестеро выше самого себя?.. Да я сквозь стены вижу! Я сотни тысяч запахов чувствую! Я в темноте — как рыба в воде!!! Я сто раз на день умываюсь и привожу себя в порядок, а Вас, грязнуль паршивых, не заставить ноги вымыть на ночь!..

Я Шуру Плоткина, когда он запил после развода с женой и чуть совсем не деградировал, к жизни вернул! Я его Человеком сделал! Сочинять заставил!.. Вы его статьи и рассказы читаете — ахаете, руками всплескиваете, засранцы, а потом, только потому, что он вроде меня — непородистый, то есть «нерусский», — «Жидом» или «Евреем» называете. А он в тысячу раз умнее Вас всех, которые сейчас стоят там внизу, валяются на земле и лазают за мной по крышам! Бляди Вы все! Вы еще не знаете, что такое ПРЕКРАСНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР! Смотрите, болваны!..

И я ПРЫГНУЛ!

Я никогда в жизни не прыгал так далеко! На какое-то мгновение мне почудилось, будто я парю в воздухе, будто бы какая-то таинственная и неведомая сила несет меня в пространстве и мягко опускает сверху на высокий институтский забор...

Но я реалист. Я не очень-то верю во всякие там мистические сверхъестественные явления. Поэтому я лишний раз утвердился в уважении к самому себе и к собственной теории — все силы мы черпаем в ЛЮБВИ и НЕНАВИСТИ.

Я ненавижу Предателей и Провокаторов, Пилипенко и Ваську, этих Убийц в серых гнусных халатах, пахнущих смертью...

Я люблю Своего Шуру Плоткина, Свой Дом, разных Кошек, приятелей Котов и хорошую жратву!.. Вот почему я смог прыгнуть так далеко, как не прыгал, наверное, еще ни один Кот в мире!

Даже мои враги там, внизу, ахнули!..

Верх институтского забора был широким и плоским. Через равные промежутки в него были забетонированы метровые железные штыри, торчащие в серое петербургское небо, а между штырями в три ряда была натянута ржавая колючая проволока. Судя по этим признакам, я подозреваю, что институт занимался не только мирной физиологией.

Я подлез под нижний ряд колючей проволоки и даже нахально присел на задние лапы — вроде бы я отсюда никуда уходить не собираюсь. Меня только кончик хвоста выдавал. Он нервно и непроизвольно метался из стороны в сторону, и я ничего не мог с ним поделать.

На мое счастье, из какого-то переулка на нашу улицу вывернул громадный грузовик с длиннющим синим, очень высоким фургоном и, набирая скорость, помчался мимо ворот института.

Прыжок с забора на проносившийся мимо меня брезентовый фургон был уже просто детским лепетом и ни в какое сравнение с предыдущим рекордным прыжком идти не мог.

Как говорится, за этот прыжок я и не ждал аплодисментов. Это был крайне средненький, рядовой прыжочек, доступный любому мало-мальски уважающему себя Коту.

Но мог ли я представить себе, что этот, прямо скажем, немудрящий прыжок на очень долгое-долгое время будет моим последним прыжком на этой Земле?..

Мог ли я, прыгая с забора на огромный дальнерейсовый грузовик, вообразить, что, быть может, навсегда расстанусь со Своим

Шурой Плоткиным, с Нашим Домом, с этим мрачноватым, обезображенным хлипкими разноцветными ларьками, но таким прекрасным городом, в котором я родился и вырос, в котором почувствовал себя Бойцом и Личностью и без которого никогда не мыслил своего и Шуриного существования...

Помню, в последнюю секунду, когда все осознали, что ПРЕКРАСНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР уезжает в неизвестном направлении на громадном фургоне дальнерейсового грузовика, этот кретин Васька не нашел ничего лучшего, как поднять обломок кирпича и метнуть его в мою сторону.

Кирпич перелетел через фургон. На противоположной стороне улицы раздался звон разбитого стекла, и я еще успел увидеть, как осыпается витрина какого-то магазина, как срабатывает магазинная охранная сигнализация — тревожные короткие и очень мощные звонки с одновременным миганием желтых ламп на фасаде. Уже издалека я услышал резкие милицейские свистки, живо представил себе, что должно произойти дальше, и подумал: «Так тебе и надо, дубина!..»

В отличие от маленького металлического фургончика на пилипенковском «москвиче», эта громадина была сотворена из крепкого синего брезента, укрепленного на каркасе. К борту площадки брезент был пришит здоровенными стежками из тонкого стального троса. Эти стежки шли не только по низу фургона, но и по его торцовым стенкам.

Свесив голову вниз, я увидел, что по вертикальному шву тросик затянут не очень сильно и там нет такого плотного прилегания одной стороны брезента к другой.

И я стал спускаться вниз по отвесной стенке фургона, отчаянно цепляясь когтями всех четырех лап. После того, что я только что пережил и совершил, сорваться под колеса мчащегося грузовика было бы просто глупо!

Без какого бы то ни было бесшабашного героизма и безоглядной решительности, достаточно осторожно и расчетливо, с той необходимой долей естественной боязни, которая зачастую сохраняет нам жизнь, я все-таки добрался до «моего стежка», просунул туда голову и передние лапы и через секунду был уже внутри фургона.

Здесь было тепло и сухо. От передней стенки фургона до задней было по меньшей мере метров пятнадцать, а в ширину — метра три. Хотя тут я могу и ошибиться. В измерении расстояний я, честно говоря, не силен. Все мои познания в этой области ограничены нашей с Шурой квартирой. У нас я точно знаю, сколько метров в одной комнате, сколько метров в другой. Шура об этом говорил при мне много раз — я и запомнил.

Ну а высота фургона совершенно точно соответствовала высоте потолков нашей квартиры — два метра пятьдесят сантиметров. Это я уже знал досконально. Три года тому назад, когда Шура был в состоянии еще что-то купить, он приобрел книжные стеллажи у одной семьи, уезжавшей в Израиль. И когда Шура перевез эти стеллажи к нам, выяснилось, что они в высоту два метра семьдесят пять сантиметров. А у нас потолок — всего два пятьдесят!

Целую неделю Шура сам укорачивал эти стеллажи под наш размер и под нескончаемые матюги и перманентные восклицания:

— Свободы им, видишь ли, мало!.. На «землю предков» потянуло! Да у вас все предки из Жмеринки! Ну как же можно было так ничего не понять в собственной стране, где прожита вся жизнь? Поразительно! Да у нас «свободы» сейчас — хоть жопой ешь! Что хочешь — то и говоришь, что хочешь — то и пишешь!.. В кого хочешь — в того и стреляешь!!! Нет в мире сейчас более свободного государства, чем наше... Ни законов, ни обязательств, ни Уголовного кодекса, ни хрена! Живи и радуйся!.. Какого черта уезжать? Здесь ты можешь стать «новым русским», «новым евреем», «новым узбеком» или «новым чеченцем», что, в сущности, одно и то же, и поехать отдыхать на Канарские острова... А уезжать совсем — полнейший идиотизм!..

Поэтому я очень хорошо усвоил, что такое высота в два метра пятьдесят сантиметров, как пахнет столярный клей, чем воняют лаки и какой запах имеет фанера.

Так вот, утверждаю безошибочно — весь фургон был забит фанерой. На первый взгляд это были просто огромные квадратные кипы, упакованные в толстый непрозрачный полиэтилен, а сверху еще и перетянутые крест-накрест стальными лентами. И все-таки это была фанера. Со времени переделки тех стеллажей я ее запах запомнил навсегда.

Когда же я осмотрелся и слегка освоился в этом фургоне, то сквозь довольно мерзкий запах полиэтилена, металла, брезента и подавляющего запаха фанеры я почувствовал присутствие еще одного запаха, почти неуловимого, странного, кажется, когда-то встречавшегося, таинственно манящего, навевающего неясные мысли и желания.

В этом запахе было что-то сладострастно запретное... А что — я никак не мог взять в толк. Не скрою, у меня даже немножко «крыша поехала», как говорит Шура Плоткин. В некотором ошалении я забегал по фанерным кипам в поисках источника этого дивного запаха. Черт побери, откуда я его знаю?! Что это?! Когда это было? Где?..

Через десять минут мои поиски увенчались успехом! Одна из кип, стоявших у левого борта фургона, почти у самой передней стенки, источала такую концентрацию этого запаха, что я чуть не потерял сознание!

Однако здоровое начало во мне возобладало, в обморок я не хлопнулся, а, наоборот (до сих пор не могу понять почему?!), вдруг с неожиданной яростью стал рвать когтями полиэтилен этой кипы... Что со мной происходило — понятия не имею! Помню только — слепая злоба, безотчетное желание в клочья разорвать эту кипу фанеры и добраться до ЭТОГО, которое пахнет ЭТИМ, а потом...

...а потом в меня стало тихо вливаться какое-то успокоение...

ЭТОТ запах стал улетучиваться, исчезать, в тело мое просочилась блаженная усталость, в голову вползло какое-то сладостное безразличие.

Слабенькие, еле ощутимые остатки ТОГО запаха заставили меня прилечь, и в моей тяжелой отуманенной голове стали громоздиться неясные обрывки видений, голоса...

Будто бы вернулся я на пять лет назад и увидел своего Шуру Плоткина...

...его молоденькую приятельницу тех лет — актрису детского театра...

Они о чем-то спорили, и Шура беззвучно кричал на свою подругу, а она рыдала и тоже кричала на него...

Все это я только видел. Слов было не разобрать, все звуки дробились на маленькие отдельные кусочки, а потом...

СОДЕРЖАНИЕ

ИнтерКыся

ДОРОГА К «ЗВЕЗДАМ»	5
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ РАЯ.....	547